

Евгений Салиас-де-Турнемир

Сенатский секретарь

Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир

Сенатский секретарь

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2370735*

Аннотация

«...Тележка завернула в другой переулок, повернула опять и остановилась у маленького домика, ярко выкрашенного зеленою краской.

Молодая девушка при виде домика уже заволновалась и по-видимому готова была выпрыгнуть на ходу. Едва только тележка остановилась, как из домика за ворота выбежал молодой человек, а за ним поспешно, но переваливаясь с боку на бок, вышла пожилая и полная женщина.

– Что? что? – заговорил молодой человек, помогая девушке вылезти из тележки.

– Все слава Богу! Все хорошо! – отозвалась она. – И царицу видела.

– Как?!

– Видела, видела царицу... Близехонько...»

Содержание

I	4
II	12
III	17
IV	24
V	27
VI	34
VII	40
VIII	46
IX	54
X	63
Комментарии	68

Евгений Салиас

Сенатский секретарь

Исторический рассказ

I

В августе месяце 1791 года, около полудня, по маленькому переулку Петербургской стороны двигалась рысцей тележка парой лошадей, усталых и взмыленных. Мужичонко, приткнувшийся на облучке, не только не погонял лошадей, но почти дремал.

В тележке сидела очень молоденькая девушка, совершенно запыленная, но с оживленным лицом. Она с видимым нетерпением поглядывала на возницу и лошадей.

– Подгони, Игнат! – выговорила она жалобно. Слова эти пришлось ей произнести во время пути по крайней мере с полсотню раз. Мужичонко на этот раз очухался, встряхнулся, дернул вожжой, но прибавил:

– Да уж что ж подгонять?! Приехали...

– То-то приехали! Шутка ли? От Царского Села больше четырех часов ехать.

Тележка завернула в другой переулок, повернула опять и остановилась у маленького домика, ярко выкрашенного зе-

леною краской.

Молодая девушка при виде домика уже заволновалась и по-видимому готова была выпрыгнуть на ходу. Едва только тележка остановилась, как из домика за ворота выбежал молодой человек, а за ним поспешно, но переваливаясь с боку на бок, вышла пожилая и полная женщина.

– Что? что? – заговорил молодой человек, помогая девушке вылезти из тележки.

– Все слава Богу! Все хорошо! – отозвалась она. – И царицу видела.

– Как?!

– Видела, видела царицу... Близехонько...

Молодая девушка бросилась на шею пожилой женщине, матери, расцеловалась с ней и затем вошла в дом.

– Ну, Настенька, уж и запылилась же ты! Гляди-ка, вся спина белая... А волосы-то! Смотри-ка, седая или будто в парике напудренном...

– Устала небось? – прибавил молодой человек, влюбленными глазами оглядывая девушку.

– Нет, не устала... Дайте умыться, переодеться, и все расскажу. Все слава Богу! Дядюшка согласился. А царицу видела! Видела...

– Царицу-то как же видела, скажи? – спросила, изумляясь, мать.

– Видела, видела...

– Заладила одно: видела... Да скажи, как, где!..

– Дайте срок, переоденусь, все подробно расскажу. Видела, вот как вас вижу. Поклонилась. И она мне поклонилась, усмехнулась. Ей-Богу!

Переменив платье, девушка вернулась и рассказала подробно все свое далекое путешествие.

Настенька ездила в Царское Село к дяде родному, священнику, чтобы сообщить ему важную семейную новость и просить если не его собственно согласия, то подтверждения решения матери. Дело было важное...

Анна Павловна Парашина уже давно была вдовой и мирно проживала с единственной дочерью Настей на пенсию после покойного мужа, бывшего когда-то актуариусом в берг-коллегии¹. Мать и дочь не бедствовали, кое-как сводя концы с концами, и даже нанимали квартиру в четыре горницы. Но за это лето случилось у них самое крупное, какое когда-либо бывает в жизни, событие. За Настенькой стал ухаживать сенатский секретарь Иван Петрович Поздняк. Это был для Настеньки блестящий жених, так как Поздняк был, кроме того, частным секретарем такого лица, которое быстро шло в гору, – Дмитрия Прокофьевича Трощинского².

После семилетнего вдовства и тоскливой серенькой жизни вдруг обе – и вдова, и семнадцатилетняя Настенька – ста-

¹ *Берг-коллегия* – центральное государственное учреждение в России, основанное при Петре I и ведавшее горнорудной промышленностью.

² ...*Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (1754–1829) – выпускник Киевской духовной академии; был чиновником при Безбородко, при Павле I – сенатор, в 1814–1817 гг. был министром юстиции.

ли чуть не самыми счастливыми женщинами на весь Петербург.

Поздняк сделал уже предложение, которое было принято с восторгом, и затем испросил разрешения на брак у своего единственного родственника – богатого человека, отставного капитана лейб-компанца, у которого были два дома в Петербурге.

Настенька поехала в Царское Село к родному дяде, священнику, чтобы тоже получить его согласие. Теперь оставалось только просить разрешения начальства.

Когда Настенька рассказала подробно, как дядя был рад ее видеть, как водил ее по всему Царскому Селу, показывал дворец и парк, она перешла к главному происшествию. Рано утром, соскучившись сидеть дома, отправилась она около семи часов по тем же дорожкам парка, где прошла накануне с дядей.

В одном месте, околоobelиска, она села отдохнуть на скамейке и тотчас же увидела вдали даму, которая тоже прогуливалась. За ней бежала маленькая собачка. Настя, конечно, и не вообразала, кто это так рано гуляет. Но какой-то работник, копавшийся в клумбе около скамеечки, крикнул ей осторожно: «Барышня, не сиди так-то... Встань! Это царица».

– Так у меня ноги и подкосились, – прибавила Настя. – Как только собралась я вставать, так ноги и онемели... Перепугалась насмерть. Думала, что ж это будет! Однако не успе-

ла еще царица подойти, я справилась с собой, поднялась, и уж по правде сказать, хоть ноги у меня и тряслись, а все-таки я присела так вот... А как приподнялась, так всю царицу разглядела до ниточки, и сто лет проживу – помнить буду.

– В каком же она платье? – спросила мать.

– Не в платье, маменька, а в салопе или в эдаком длинном капоте поверх платья, сером шелковом с позументом. А на голове шляпа с перьями... В руке тросточка... Дяденька говорит, что царица уж сколько лет завсегда так гуляет, все в одном этом одеянии. А за ней собачка всегда. Такая чудная! Вертлявая, тонконогая и все как-то поджимается, будто ей все холодно... Уж как я рада, что повидала царицу. Я все думала, она эдакая большущая да гневная, совсем на чело-веков не похожая... А она такая же барыня по виду. Только лицо светлое, не простое. Видать, что царица.

Анна Павловна была рада, что дочери удалось видеть го-сударыню.

– Это к счастью, – решила она. – Да оно так и выходит. Спроси-ка, Настенька, у Ивана Петровича, какую он весточку сейчас принес.

– Да, Настя! – весело вымолвил Поздняк. – Я сейчас от своего дядюшки. Он обещал мне от трех до пятисот рублей в год давать. А со временем, говорит, если твоя будущая же-на мне придется по душе, то, помирая, откажу вам и вашим деткам изрядный капиталец.

– Слава Богу! – перекрестилась Настя набожно.

До вечера побеседовали пожилая женщина и жених с невестой. Радость искренняя, полная не сходила с их лиц. Это были теперь самые счастливые люди всей столицы.

Поздняяк при наступлении вечера собрался домой, так как у него было много работы. Все служившие при Трощинском не имели много свободного времени.

Молодой человек простился с невестой и с будущей тещей и направился в свою маленькую квартирку на Галерной. До полуночи просидел он у себя за перепиской всяких бумаг, затем лег спать и часа два не мог заснуть, – мечтал о том, как счастливо и удачно поворачивается его жизнь.

Не далее как пять лет тому назад потеряв мать, он остался в Петербурге один-одинехонек, бобылем. Родни близкой никого у него не было. Но тотчас же он был призрен дальним родственником, который занялся его судьбой и, имея в столице друзей, записал его в Сенат.

Прилежанием и аккуратностью Поздняяк заставил себя вскоре заметить в числе прочих писарей. К тому же почерк его был настолько красив, что отличал его в глазах ближайшего начальства.

Трощинский был правителем канцелярии графа Безбородко³, и бумаги, писанные Поздняяком, обратили на себя внимание графа. Он однажды спросил, как зовут того писаря, бумаги которого попадают у него в числе прочих. Позд-

³ ...*граф Безбородко* Александр Андреевич (1747–1799) – государственный деятель, секретарь Екатерины II, светлейший князь, канцлер (с 1797 г.).

няк был графу представлен. После этого раза два или три сам Дмитрий Прокофьевич Трощинский выбирал Поздняка, чтобы переписать несколько важных бумаг для доклада императрице.

В беседах с ним Трощинский заметил дельного, скромного и прилежного молодого малого. Когда два года назад один из сенатских секретарей вдруг умер, то, ко всеобщему удивлению, двадцатитрехлетний Поздняк получил первый чин и заступил его место. Затем спустя полгода он стал частным секретарем Трощинского.

Теперь служебное положение Поздняка стало еще выше благодаря случаю: граф Безбородко уехал в Молдавию заключать мир с турками, а Трощинский стал лично докладывать дела государыне и пошел в гору... Удачи по службе начальника должны были отразиться и на его домашнем секретаре, который считался любимцем начальника.

Прошлою весной молодой сенатский секретарь встретил в Летнем саду двух женщин: пожилую и молоденькую. Сразу влюбился он, и, узнав, что молодая девушка – дочь небогатой вдовы, чиновник познакомился с нею при выходе из церкви, при содействии просвирни. Поздняк не думал никогда о том, чтобы искать жену с приданым, и поэтому он начал часто бывать у Парашиных, усиленно ухаживать за девушкой и наконец сделал предложение.

Настя принесла счастье, так как теперь родственник, которого он звал дядей, совершенно неожиданно обещал круп-

ную ежегодную помощь.

Все ладилось и устраивалось как нельзя лучше. Его жалованье, пенсия Парашиной и помощь дяди составляли ежегодный доход почти в тысячу рублей, на которые по времени можно было жить в довольстве.

II

На другой день в девять часов Поздняк был уже в своем вицмундире в Сенате и сидел около маленького столика, на котором лежала куча дел в обложках. Отдельно от прочих он положил несколько красиво переписанных накануне бумаг. Вокруг него в большой горнице двигались и сидели чиновники целою толпой. Некоторые торчали за столами, ничего не делая, другие скрипели перьями.

Всем, кто подходил к Поздняку, он отвечал рассеянно, хотя лицо его было не задумчивое и не озабоченное, а, напротив, чрезвычайно веселое. Он был настолько поглощен грезами о своем предстоящем счастье и благополучии, что ему не хотелось болтать с сослуживцами о всяких пустяках.

Наконец около полудня солдат с Георгиевским крестом вошел в горницу, прошел ее до половины и выкрикнул:

– Иван Петрович, вас!

Это было почти ежедневное объявление Поздняку, что Трошинский требует его к себе.

Поздняк собрал бумаги, посмотрелся в зеркало и остался совершенно доволен собой. Лицо его, сиявшее счастьем, делало всю его фигуру еще более благообразною и даже приятною каждому. Он был в таком нравственном состоянии, что оно должно было, казалось, действовать на посторонних. На него, по русскому выражению, «весело было смотреть».

Пройдя несколько горниц, Поздняк осторожно отворил дверь, вошел и, приостановившись на пороге, низко поклонился. За большим столом, покрытым зеленым сукном, сидел важный сановник в напудренном парике, но в простом ежедневном мундире.

Это и был Дмитрий Прокофьевич Трощинский, один из дельцов времени Великой Екатерины, не отличавшийся никакими особенными талантами, но сделавший затем при императоре Павле блестящую карьеру благодаря аккуратности и усидчивости в труде, неблагодарном, незаметном, но необходимом в государственной машине.

Трощинскому было около сорока лет. Он был не очень красив собой и смолоду. Крупный, мясистый, слегка вздернутый нос, толстые губы делали его некрасивым, но большие, светлые, умные глаза придавали лицу много жизни.

Пересмотрев поданные Поздняком бумаги, Трощинский молча кивнул головой, отпуская секретаря. Поздняк замялся на одном месте, но затем решился и выговорил:

– Ваше превосходительство! Дозвольте обратиться с нижайшею просьбой...

– Что такое?

– Дозвольте вступить в законный брак...

– Здравствуйте!.. – воскликнул Трощинский, и, подняв свои большие глаза на молодого человека, он просопел и молчал. – Озадачил, братец ты мой! – выговорил он наконец. – Не ожидал я от тебя эдакого пассажиа...

Поздняк стухнул и даже слегка покраснел.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– Э-эх, братец! Обождал бы малость самую.

– Если прикажете... – прошептал Поздняк.

– Самую бы малость обождал. Как этак вдруг жениться...

Ну, пять лет бы обождал...

Поздняк, пораженный, разинул рот и замер на месте. Он думал: месяц, два...

Трощинский снова поглядел на секретаря и, заметив страшную перемену на его лице, прибавил:

– Да ты не пугайся! Я же запретить не могу. Только жалко... Уж какой же ты будешь секретарь, коли женишься?..

– Помилуйте, ваше превосходительство, я...

– Знаю, знаю... Ты-то вот не знаешь. Жена, семья, дюжина детей, возня, хлопоты, заботы... Один в жару, у другого – желудочек, у третьего – под ложечкой, у четвертого неведомо что... Крестины да всякие такие именины и всякая такая канитель... Настоящий чиновник тот, кто бобыль! Я тебя за то и взял... За твое одиночество. Ну, что ж делать! Мне что же... Тебе же хуже. Будешь неаккуратен – другого возьму.

– Я докажу вашему превосходительству, – вдруг храбро заговорил Поздняк, – извольте увидеть, я буду еще пуще радеть.

– Увидим... Когда же свадьба?

– Когда позволите.

– Да уж коли не хочешь малость обождать, так женись скорей, потому что, будучи мужем, все-таки станешь лучше служить, чем теперь. Теперь, поди, у тебя в голове базар, ярмарка, мозги-то небось кверху ногами. Нет, уж поскорей женись.

– Как прикажете...

– Сделай милость! Сегодня суббота, ну, в следующую субботу... не позже.

– Виноват, ваше превосходительство, в субботу венчаться... нельзя-с...

– Ну, там как можно!.. Два раза в году следовало бы позволить венчаться, этак-то сколько бы свадеб не состоялось. Иной бы собрался жениться, да успел бы двадцать раз одуматься, если бы венчали только первого января да первого июля. Ну, так заходи ко мне на квартиру послезавтра, свадебный подарочек получишь... единовременное пособие в размере годового жалованья.

– Ваше превосходительство! – воскликнул Поздняк и тотчас же двинулся с намерением поцеловать начальника в плечо.

– Не люблю этого! – сурово выговорил Трощинский. – Помни, коли разные именины да крестины тебя не изгадят, будешь по-прежнему служить, получишь прибавку жалованья на одну треть.

– Постараюсь всячески заслужить! – говорил Поздняк чуть не со слезами на глазах.

Молодой человек вышел из кабинета начальника, поло-

жительно не чувствуя под собою ног. По дороге в отделение, где он обыкновенно сидел, он натолкнулся на трех чиновников и чуть не сшиб с ног того же солдата с крестом.

Разумеется, двум или трем сослуживцам Поздняк тотчас же рассказал все с ним приключившееся, а затем, когда кончилось присутствие, он полетел на Петербургскую сторону объявить Парашиным о приказе начальства – жениться как можно скорей.

Настенька, разумеется, обрадовалась. Анна Павловна поохала, но уступила убеждениям жениха и просьбам дочери. Было решено, что через четыре дня молодые люди будут обвенчаны в приходском храме.

III

С этого же вечера на Поздняке оправдалось мнение Трошинского. Он не ходил, а летал. Все у него прыгало пред глазами: от сослуживцев в Сенате до последних предметов на улице.

Мысли в голове сменяли одна другую, одна диковиннее другой. Разумеется, главная мысль была Настенька и будущее счастливое супружество, будущая семья; мысли о службе были затеснены.

С первых же дней Поздняк, однако, сам заметил, что у него не все в голове обстоит благополучно, не все в порядке.

На второй день он чуть не вышел из квартиры в туфлях, которые подарила ему невеста. Затем через день, будучи в Сенате, он переписал красиво бумагу, дописал до конца третью страницу и, прежде чем перевертывать ее, по обыкновению, собрался засыпать песком. Но вместо песочницы он ухватил чернильницу и, опрокинув ее, шлепнул чернила на стол и, разумеется, не только залил все, но даже sprysнул и свой мундир. При этом Поздняк так закричал, что все кругом сидевшие чиновники повскакали с мест как шальные.

Конечно, смеху было немало, но сам Поздняк был поражен, как если бы случилось что-нибудь невероятное. Опрокинуть чернильницу вместо песочницы, конечно, случалось часто всюду, да и в Сенате бывало не менее разов двух, трех

В год.

– С кем такое не бывало! – заметил тотчас же один из чиновников.

Но Поздняк был серьезен и задумчив, даже перепуган. Он никогда не допускал мысли, чтобы с ним могло случиться подобное. Это доказало ему ясно, что он находится не в естественном состоянии.

«Вот что значит умный-то человек... Провидец! – подумал он про Трощинского. – Предсказал ведь просто!»

Поздняк при помощи солдата вытер стол, обмыл водой чернильные пятна на своем мундире и затем сел снова переписывать бумагу. Переписывая, он мысленно давал себе честное слово, клятву, быть осторожнее, меньше думать о невесте и свадьбе.

К вечеру, разумеется, все было забыто, кроме Настеньки, и молодой человек снова метался и почти прыгал.

На третий день, когда он по обыкновению явился с докладом, Трощинский принял от него нужные бумаги, проглядел их и усмехнулся.

– Ишь ведь погляди-ка! – выговорил он, показывая пальцем на некоторые строчки. – Смотри-ка. Вот, вишь, у тебя какие крючочки пошли... Вон гляди! Я твой почерк хорошо знаю... Прежде вот этих крючочков не бывало... Ишь ты какая завитушка! А вот это чистый выборгский крендель! А вот тут целая козявка вышла с усами... Это что означает, потвоему?

– Виноват-с... – отозвался Поздняк. – Я перепишу...

– Нет, ты не виноват! А бес в тебе сидит жениховский...

Вот женишься ты, пройдет месяца два, три – и все эти крендели и букашки исчезнут. Теперь, выходит, рука-то балует. Не у спокойного человека действует. Сделай милость, женись ты поскорей!

– Беспременно в пятницу, ваше превосходительство.

– Ну, и хорошее дело! А покуда на вот тебе. Дела все спешные, а особенно одно...

Троцинский взял со стола несколько бумаг и, передавая их секретарю, выбрал одну из них и положил сверху.

– Вот гляди... Это указ Сенату, уже подписанный государыней. Перепиши мне его в двух видах. Да смотри – как-нибудь не выпачкай.

– Слушаю-с. Будьте покойны.

– Один перепиши как можно красивее, только без крючков, пожалуйста. А другой перепиши, как знаешь, – он, собственно, мне лично. Да смотри, говорю, указ не испачкай.

– Как можно, помилуйте!

– К завтраму все будет готово?

– Точно так-с! Сегодня же вечером перепишу-с.

– Ну, ладно! коли не успеешь – не беда...

Поздняк взял бережно указ и, придя в свое отделение со всеми полученными бумагами, переглядел их снова. Главная бумага для переписки была Высочайший указ Сенату с подписью красивыми крупными буквами: «Екатерина».

«Вот на этом самом месте рука самой царицы лежала, – подумал он. – А как пишет-то!»

Полюбовавшись на подпись монархини, Поздняк взял указ, положил отдельно в чистый лист бумаги и хотел на обложке написать: «Указ Ея Императорского Величества», но остановился. «Чего я буду себе-то самому писать? – подумал он. – И так знаю, что он в этой бумаге».

Зайдя домой и оставив все полученные бумаги у себя в столе, Поздняк, разумеется, тотчас же побежал на Петербургскую сторону.

Здесь в квартире были хлопоты. Настенька бегала и прыгала точно так же, как и ее жених. Будь у нее какое дело или обязательство, то, конечно, и она бы напутала. И она бы тоже опрокинула чернильницу на какое-нибудь платье из приданого.

Посидев часа два и закусив, Поздняк отправился на другой конец Петербурга, ко Владимирской, где жил его родственник. Высокий и плотный человек, в военном кафтане покроя елисаветинских времен, ласково встретил и облобызал племянника.

Разумеется, разговор зашел о том же – о свадьбе. Молодой человек объявил день и час венчания, прося пожаловать. Дядя обещал и снова повторил почти в тех же выражениях свое обещание помогать племяннику, который отличался по службе.

– Покуда буду жив, Ваня, будешь получать от меня рублей

четыреста, а то и больше. Сам знаешь, прямых наследников у меня нету, а тебя люблю за то, что ты меня надул. Был ты совсем заморыш лупоглазый. Тебя, я полагал, не жалко будет на первом суку в лесу повесить, когда придешь в возраст. А вышло-то вон что!.. Делец, сенатский чиновник, секретарь вельможи, бумаги важные пишешь. Вон что на свете-то бывает! Вот и я в деревенских крепостных мальчуганах находился, затрещины от господ получал, а там в солдаты за провинность попал. Думалось ли в дворяне и капитаны выйти? Все так на свете! А был у меня в Преображенском полку товарищ. Голова!.. Думали все, из него фельдмаршал выйдет, а он в винокуры попал, да прогорел и с горя сам пить начал. Так вот благо ты умница, мне и след тебе помогать. Лучше пойдешь по службе, и я больше денег буду давать. А коли будет на тебя начальство взирать нехорошо, не угодишь ему, тогда и на меня не рассчитывай.

ПозднЯк, посидев довольно долго у лейб-кампанца, наконец собрался домой, чтобы с вечера покончить все, что нужно было сделать. С Владимирской в Галерную молодой малый пролетел шибко. Снова он чувствовал себя в каком-то лихорадочном настроении.

Все ему хотелось сделать скорее, ловчее, быстрее, да и работа, какая бы ни была, казалась ему легче.

Вернувшись к себе, он достал все черновые бумаги, какие получил от Трощинского, и несколько удивился. Он думал, что работы будет часа на три, а оказалось, что придется про-

сидеть часов до двух ночи.

Думая все об указе, который надо было переписать в двух экземплярах, он совершенно забыл, что помимо этой работы было еще много бумаг для переписи. Это его озадачило.

– Ведь это опять вроде чернильницы... – выговорил он, – ничего подобного никогда со мной не бывало. Всегда знал, какая предстоит вечерняя работа. А тут вдруг проглядел... Да и что проглядел-то! Забыл, что целых восемь бумаг есть помимо указа... Все пустое! – решил Поздняк весело, – перепишу все в три часа или в четыре времени.

И ему показалось, что всякая работа, а в особенности его собственная, зависит от душевного настроения. Ему казалось, что сегодня он может в четыре часа написать втрое больше, нежели бывало прежде в восемь и девять часов времени.

– Вся сила в том, – заговорил он снова, – что внутри что-то горит, отчего и руки действуют скорей и ловчее. Лишь бы вот только крючков да завитушек не давать руке делать. А еще того хуже, в какую бумагу не вписать бы имя Настеньки.

Молодой человек тотчас же уселся за работу и, конечно, прежде всего бережно положил пред собой Высочайший указ и начал его переписывать.

Первый экземпляр он постарался переписать как можно отчетливее и красивее, причем старался не делать тех крючков, про которые говорил начальник.

Через полчаса красивая копия была готова, и он отложил

ее на правую сторону стола. Затем быстро поспела вторая копия, которую он написал менее тщательно, а вслед за ней еще быстрее поспела и третья. И все три отложил он направо. Затем, взяв указ в обложке, он положил его налево.

– Зачем же я три копии снял? – вдруг сообразил он. – Совсем, стало быть, ум за разум заходит. Ну, что ж делать. Не беда!

Поздняк переглядел все черняки, которые надо было переписать, и решил, что работы еще не более как часа на три. Действительно, не прошло и часу, как три бумаги были уже переписаны, но Поздняк спешил, сам не зная зачем и почему.

Переписанные черняки он клал налево сверх указа, а чистые копии клал направо на копии с указа. Подобное правильное разделение на столе вновь переписанных бумаг и черняков, которые остались у него для уничтожения, Поздняк всегда аккуратно делал на один и тот же лад.

На этот раз работа затянулась, и чем дальше, тем медленнее работал молодой малый, потому что, набегавшись и проволновавшись целый день, он чувствовал, что его клонит сон. Кроме того, поневоле работа прерывалась мыслями о невесте и предстоящем браке.

Наконец, около часу ночи он дописал последнюю бумагу, обсыпал песком и положил направо, а черняк бросил налево.

– Все! – выговорил он. – Слава Богу! Все готовы! И даже переписал без крючочков.

IV

Дописав последнюю бумагу, Поздняк встал, потянулся, прошелся несколько раз по своей горнице и, сев на кровать, стал раздеваться, чтобы лечь спать.

Уже собираясь ложиться под одеяло, он вдруг поглядел на свой стол и покачал головой. Никогда за все время службы ничего подобного не бывало...

– Это все мое женихово состояние творит! – выговорил он.

Действительно, никогда не оставлял он письменного стола в таком виде. Всегда вновь написанные бумаги он порядливо укладывал в картонную папку, а черняки всегда, разорвав пополам, бросал в ящик, стоящий у окошка.

– Не годно, Иван Петрович! – выговорил он сам себе. – Хоть и пустое дело, а все-таки делай так, как всегда делал.

Он встал с кровати, нацепил вышитые Настенькой туфли и подошел к столу. Собрав все написанное в кучу, он положил в картон, а тесемочки его завязал с трех сторон аккуратными бантиками. Положив папку среди стола, он прибрал перья и даже чернильницу подвинул, чтобы она стояла прямо.

Затем, захватив разом ненужные черняки, он ловким, привычным движением дернул за два края, разрывая сразу листов по десяти.

Толстые бумаги будто злобно шипели и скрипели, разрываемые пополам. Поздненьк швырнул куски в ящик, снова перешел на кровать, лег и, с наслаждением потянувшись, собрался сладко заснуть.

Он двинулся уже тушить свечу, как вдруг вскрикнул и вскочил как ужаленный. Он взял свечку и бросился к столу. Рука его настолько дрожала, что шандал едва не выпал на пол.

– Помилуй Бог!.. – шептал он бессмысленно.

Поставив свечу на стол, он стал развязывать картон, но руки плохо повиновались. Кое-как развязав, он раскрыл папку, переглядел бумаги и онемел...

Простояв истуканом несколько мгновений, он бросился к ящику, вытащил все разорванные листы, переглядел их и без сил опустился на пол, схватив себя за голову.

Предположение было верно. Императорский указ был разорван пополам вместе с черняками.

Часа два недвижно просидел молодой человек на полу около ящика, схватив голову руками. По временам он тихо стонал, как от боли. Мысли его совершенно помутились. Он даже не сознавал, где он находится, где сидит. Иногда ему казалось, что уж он не жив, что он убит.

Среди ночи он перебрался наконец на кровать, лег, но заснуть не мог и проворочался до утра в болезненном бреду.

Часов в восемь он был снова на ногах, но это был уже совершенно другой человек: бледный, осунувшийся, с полу-

безумными глазами, какой-то пришибленный. Он почти не сознавал того, что делал. Одна только мысль была в голове: «Императорский указ изорвал!» Ему, стало быть, предстоит попасть под суд и, конечно, быть исключенным из службы.

И вдруг Поздняку пришло на ум, что есть в Петербурге большая, глубокая река – Нева. Затем пришло ему на ум еще одно важное обстоятельство, очень благоприятное. Он, Поздняк, плавать не умеет. Как ни учился, никогда не обучился. Стало быть, дело выходит самое простое, легко исполнимое. Взять лодку, выехать на середину Невы и выско-чить из нее.

Положительно все обойдется как следует, потому что он никоим образом на воде не удержится, непременно потонет. Тогда все и отлично. Рвал ли указ, не рвал ли – все равно! А жить-то? Ведь уж жить-то нельзя будет. Об этом он как будто и позабыл... Ведь коли он утонет, так жизнь-то кончится. Да, действительно! Да что же делать?..

Поздняк взял разорванный пополам указ и снова поглядел на него. Подпись императрицы большими буквами была тоже разорвана пополам. На одной половине стояло: Ека, а на другой: терина.

Поглядев на монаршую подпись на двух разных клочках бумаги, Поздняк почувствовал, что ноги у него затряслись, и он опустился на первый попавшийся стул.

V

Через час, положив в карман разорванную бумагу, Поздняк собрался на Петербургскую сторону, но, чувствуя, что идти не может, взял извозчика. Он отправился проститься...

Не прошло получаса, как в квартире невесты, где всегда бывало теперь веселье и смех, две женщины, пожилая и молоденькая, горько плакали, а сам Поздняк сидел согнувшись, бледный, едва живой.

Глухим голосом передал молодой человек невесте и Анне Павловне, что он будет отдан под суд и будет исключен из службы. Следовательно, все потеряно! Жалованья не будет, а дядя, конечно, исключенному из службы не даст ничего. Анне Павловне приходилось приобрести жениха для дочери бобыля и нищего. Он сам этого не желает...

– Что же вы хотите делать?! – воскликнула Парашина.

Поздняк поглядел на нее, потом посмотрел на невесту и ничего не ответил. Однако Настенька по его взгляду поняла все и залилась еще пуще слезами.

– Иван Петрович, обещайте мне обождать сутки. Бог милостив, что-нибудь придумаем... – вымолвила наконец Настенька.

– Мне через час надо нести бумаги Дмитрию Прокофьевичу. Как же я буду ожидать?..

– Не идите... Скажитесь больным... Лягте в постель... –

сказала Парашина.

Поздняк помотал головой и ничего не ответил.

Просидев около часу, он вышел из квартиры, не прощаясь ни с Парашей, ни с Настенькой. Видно было, что он не знает ничего и не знает, куда собирается и что хочет делать.

Едва только Поздняк вышел, как молодая девушка, тайком, не спросив матери, накинула на голову платок и убежала вслед за женихом. Она догнала его на углу переулка и, заливаясь слезами, выговорила:

– Ступайте к Спасу... Знаете? Спас Нерукотворенный. Здесь. Близко... Помолитесь Господу...

– Хорошо!.. – выговорил молодой человек, едва понимая, что говорит и на что соглашается.

– Господь милостив! – восторженно произнесла Настенька. – Я верю крепко, что никакой беды не будет. Слышите? Никакой! Только помолитесь всем сердцем.

Девушка вдруг обхватила руками жениха, поцеловала его, потом перекрестила и бросилась бежать домой.

Поздняк двинулся медленно по улице и, почти ничего не соображая и не видя перед собой, дошел до Невы. Он остановился на берегу и стал смотреть на гладкую зеркальную поверхность воды.

«Очень мудрено собираться, – подумал он. – Страшно! Да, собираться страшно... А когда будешь на глубине, оно уже само собой все потрафится. Да то и конец всему... Что тогда Дмитрий Прокофьевич? Да и царица сама – с того све-

та – ничего...»

Поздняк вздохнул, опустил голову и стоял как истукан. Прохожие оглядывали его с любопытством. Вся его фигура, висящие безжизненно вдоль туловища руки, бледное, будто вытянутое лицо, бессмысленно открытые глаза – говорили ясно о том, что с этим человеком совершилось что-то роковое.

«Неужели же нельзя простить ненароком содеянное преступление?.. – снова стал думать Поздняк. – Изорви я царский указ в пьяном виде или по дикой злобе, – понятно, мне в Сибири место. А эдак, по оплошности, по рассеянности... Неужели простить нельзя? Ей-Богу, можно. Но Дмитрий Прокофьевич не простит. Ни за что...»

Поздняк стал вспоминать те случаи, которые были между его сослуживцами за последнее время. Каждый раз, что бывали провинившиеся, Трощинский относился беспощадно строго. Он слыл за справедливого и доброго начальника, а скольких людей погубил своею строгостью. Старик подьячий, потерявший несколько бумаг с полгода назад, был тотчас же исключен со службы. Бумаги нашлись через неделю у извозчика в санях, а старик не был все-таки принят обратно на службу. Он запил с горя и спился...

– Нет, от Дмитрия Прокофьевича не жди помилования! – вслух воскликнул Поздняк. – А царица сама простила бы... Да, простила бы. Верно... Да, да...

И Поздняк начал ходить взад и вперед по берегу и повто-

рять на разные лады:

– Да... Да... Да... Да...

Вместе с тем он стал думать о невесте, вспомнил ее последние слова, ее уверенность, что все обойдется счастливо.

– Легко сказать... А как быть?.. Помолишься – ничего не будет! Молись не молись – ничего!..

Поздняк тяжело вздохнул, глянул еще раз искоса на гладкую, ясную Неву и отошел от берега.

– Это не уйдет. Утопиться всегда успеешь...

Молодой человек двинулся тихо по берегу и вдруг, подняв опущенную голову, увидел на синеве неба ярко сиявший крест. Он даже вздрогнул. Синий купол храма сливался с синевой небес, и золотой, сверкающий, будто пылающий крест казался в пространстве. Мало этого... В этом сиянии креста была какая-то особенность, таинственно подействовавшая на несчастного сенатского секретаря. Тысячи раз в жизни видел он сияющие кресты на храмах и не находил в них ничего особенного. А теперь этот крест грозно сверкнул на него, ослепил его... Он, казалось, будто шевелится, то, казалось, улетает в вышину...

– Как ты смеешь, грешный человек! Глупый человек! Говорить, что ничего не будет от молитвы! – будто произнес кто-то тихо над ухом Поздняка.

Молодой человек оглянулся... Он был один. Никто не мог этого сказать ему.

Крест этот на храме будто говорил это своим чудным

сверканием.

Поздняк вдруг пошел скорее, прямо к храму, и все прибавлял шагу. Через минуту он почти бежал, будто боясь опоздать.

– Неправда... Неправда... – повторял он шепотом и даже не понимал сам, откуда взялось это слово и что оно значит. А этим словом он отвечал сам себе на свое внутреннее смущенье, на свои сомнения, на свою безнадежность. – Неправда... Помолюся – царица простит. А как до нее дойти – Господь на душу положит. Да, Господь укажет...

С этим шепотом на губах Поздняк вошел в церковь Троицы, где шла вечерня. Он стал в уголке, опустил на колени и, не крестясь, закрыл лицо руками.

– Я же не виноват. Видит Бог, не виноват. Да. Он видит. И она тоже увидит. Она... царица... Она милостиво поклонилась Настеньке. Улыбнулась ласково... И мне она так же может поклониться... И я ей все скажу... Скажу: простите! И она простит...

Слезы были на глазах Поздняка, когда он поднялся на ноги... Ему подумалось, что он не молился, а так только рассуждал сам с собой. А вместе с тем сладкое, спокойное чувство сказывалось ясно на сердце, даже будто разлилось какою-то теплотой по всему телу. Тревоги и смущения не было больше в нем. Отчаяния от безвыходности положения не было и тени.

Все казалось теперь просто. Совсем просто.

– Поехать в Царское Село, стать на дорожке, около обелиска, где всякое утро проходит царица. И ей все сказать. Ей самой... И она простит... И Дмитрию Прокофьевичу прикажет простить его.

И Поздняк вдруг ахнул от удивления. Кто же это его надумил ехать в Царское и стать на дорожке? Никто... Рассказ Настеньки. Не побывай она там и не повидай царицу, то и ему теперь не пришло бы на ум сделать это...

– Чудно! Милость Божья! – зашептал Поздняк. – И как просто... А ранее на ум не приходило... Побежал было топиться... А надо в Царское... И царица простит!

Молодой человек вышел из церкви улыбающийся, почти радостный, и, повернув к Петербургской стороне, бодро зашагал по улице...

Через четверть часа он снова был уже в домике Парашиных и входил на крыльцо.

– Иван Петрович!.. – вскрикнула Настенька. – Ах, слава тебе Господи! Ах, как я намучилась! Думала, что вы уже... Ах, Господи помилуй!.. Идите, идите... Слушайте... Я надумалась... Нет, идите...

Настенька, взволнованная, румяная, с заплаканными глазами, ухватила Поздняка за руки и потянула за собою в дом.

– В Царское вам надо сейчас ехать. К дяде... Все ему сказать... А то прямо к той скамеечке, где я сидела...

– Я за этим к вам пришел, – отозвался Поздняк, грустно улыбаясь. – Нам обоим одно и то же на ум пришло.

– Я молилась... И мне будто кто шепнул... – воскликнула девушка с сияющими глазами.

– Я тоже, Настенька...

– И царица всех простит! Вот ей-Богу... Я знаю... знаю...
Всем сердцем...

– И я тоже, Настенька.

И жених с невестой, довольные, спокойные, почти счастливые, перетолковали подробно о тайном предприятии.

VI

Около полуночи телега выехала по дороге в Царское Село и двигалась рысцой и шагом. Часа в четыре утра Поздняк был уже в Царском, около домика священника.

Женщина, служившая у батюшки в кухарках, узнав, что приезжий – жених Настеньки, о котором было немало разговоров за последнее время, вызвалась тотчас же разбудить батюшку.

Поздняк, по-прежнему смущенный, но несколько менее, чем накануне, в коротких словах объяснил, в чем дело. Священник вздохнул, подумал и наконец выговорил:

– Вы и моя Настенька – умники! Дело не простое – бедовое, но все ж таки, прежде чем бежать топиться, следует счастье испробовать. Матушка царица всему миру известна. Она и агнец кротости, и змий мудрости. Да, сударь мой, как решили, так и поступайте. Недаром все это пришло вам на ум среди молитвы. Обождем час, и я вас сведу и поставлю на то самое место, где всякое утро проходит царица. Только молитесь Богу, чтобы вот эта тучка всю вашу судьбу не переменяла... – показал священник на небо. – Если пойдет дождик, не выйдет царица на прогулку.

– Тогда я прямо отсюда в Неву... – глухо проговорил Поздняк.

Ровно через час, в одной из аллей Царскосельского парка,

около обелиска, сидел на скамейке молодой человек в сенатском мундире, бледный, взволнованный, и мутными глазами поглядывал все в одну сторону.

В парке была полная пустота и тишина. Не было ни души. Наконец, вдалеке, среди чащи зелени, показались на дорожке две дамы и тихо двигались по направлению к тому месту, где был Поздняк.

Он встрепенулся, перекрестился, потом вытер затуманившиеся глаза.

Дамы подходили все ближе. Поздняк отошел несколько от лавки и стал на колени. Он снял шапку, бросил ее на землю около себя, взглянул еще раз на двух дам, которые были уже шагах в пятидесяти от него, и невольно от внутренней тревоги скрестил руки и опустил голову.

Чем ближе слышалось шуршанье платьев, тем более мутилось в голове молодого человека. Он едва дышал.

– Что вы? – раздался над ним мягкий голос.

Он поднял голову и увидел перед собой императрицу, которую, как и всякий петербургский чиновник, видал часто, но всегда издали и всегда в другом одеянии, нежели теперь.

Но, однако, он тотчас же признал царицу, несмотря на то что на ней был простой серый капот и простой белый чепец, подвязанный бантом под подбородком. Он хотел отвечать, но язык его не шевелился.

– Кто вы? – выговорила императрица.

– Несчастный, ваше императорское величество! – прого-

ворил наконец Поздняк.

– Что с вами?

И Поздняк, вспомнив слова невесты: «пуще всего не оробейте», вдруг почувствовал в себе храбрость отчаяния. Вкратце, в нескольких словах, передал он свое преступление.

– Совершенно разорвали? – спросила императрица.

Поздняк сунул руку в боковой карман и вынул два куска указа.

Государыня посмотрела и произнесла что-то по-французски, обращаясь к своей спутнице. Затем она довольно долго думала.

– Да... Трудно, очень... – произнесла она наконец. – Скажите, Дмитрий Прокофьевич не знает, конечно...

– Никак нет, ваше величество. Ничего не знает.

– Скажите, кто писал этот указ... сенатский писарь?..

– Я сам писал, Ваше Величество.

– Вы?.. О, тогда другое дело... Это на ваше счастье. Вы, стало быть, можете точно скопировать его?

– Могу, ваше величество... Точнехонько...

– Верю. Но можете ли вы сдержать слово, можете ли не рассказывать всю жизнь никому какую-либо тайну? Если я помогу вам, обещаетесь ли вы никогда ни слова не проронить... дать мне слово и держать его крепко?

– Клянусь, ваше императорское величество. По гроб жизни умолчу. Помилосердуйте!

– Успокойтесь! Слушайте... Ступайте же домой, перепишите этот указ точь-в-точь так же, до единой буквы, а завтра будьте здесь с новым указом. Но возьмите с собой, – прибавила Екатерина, улыбаясь, – чернильницу и перо.

И государыня двинулась далее.

Поздняк остался на коленях и глядел ей вслед. И только когда императрица уже скрылась в чаще, он пришел в себя, схватил себя за голову и не знал, проснулся ли он, во сне ли он все видел или все это действительность.

Прошли сутки. Точно так же в семь часов утра, на том же месте, около обелиска, прохаживался взад и вперед тот же сенатский секретарь, но он был почти в том же счастливом состоянии, в каком находился несколько дней назад. Он считал себя уже спасенным.

Наконец с той же стороны появилась снова также государыня в сопровождении дамы.

Поздняк взял со скамейки белый исписанный лист, пузырек с чернилами и, достав из кармана гусиное очинённое перо, снова опустился на колени. Но этот раз он смотрел на приближающуюся государыню со смутным восторгом на сердце.

Императрица приблизилась, кивнула головой и улыбнулась.

– Здравствуйте! – произнесла она, принимая из рук Поздняка чисто и красиво переписанный лист.

Точь-в-точь такой же указ до малейших мелочей скопи-

ровал чиновник.

Государыня взяла у него перо и обмакнула в пузырек с чернилами, который он держал.

– Встаньте! – выговорила она.

Императрица отошла к скамейке, хотела нагнуться, потом собралась было опуститься на одно колено, чтобы положить бумагу на скамейку и подписать ее, но остановилась в нерешительности.

Она подумал мгновенье, потом улыбнулась и вспомнила.

– Подите сюда. Нагнитесь...

Поздняк подошел, склонился с замираньем сердца и опустил голову.

В первый раз с тех пор, что мир стоит, принимал позу осужденного на казнь – оправдываемый! К тому же самим монархом!..

Императрица положила лист на плечо чиновника и не спеша подписала.

– Вот... – тихо произнесла она.

Поздняк выпрямился, принял бумагу, но тотчас опустился снова на колени.

– Ваше величество... Был бы счастлив умереть по вашему приказанию... – дрогнувшим голосом вымолвил он.

– Нет, не надо... Вам ведь предстоит жениться... Но помните одно... Никогда никто не должен знать наш заговор против Дмитрия Прокофьевича. Я надеюсь, что ваше слово крепко.

– Помру, никому не скажу, ваше величество.

– Ну, ступайте с Богом и служите отечеству и монарху так же, как до сих пор служили... до беды с указом...

Государыня, улыбаясь, кивнула головой и двинулась. Поздняк остался на коленях, как был, и глядел вслед удаляющейся царице. Наконец чаща зелени скрыла ее из виду.

Поздняк перекрестился, вскочил на ноги и, бережно завернув бумагу в сверток, пустился бегом по парку.

VII

К одиннадцати часам того же дня сенатский секретарь был уже около своего стола и сидел глубоко задумавшись; но затем он встал, встряхнулся, как делает мокрая птица, и повеселел.

«Не беда... – подумал он. – После той беды, что миновала, все эдакие беды смех один...» Позднык вспомнил, что за время своих треволнений он ничего не дал знать по месту службы, не сказался больным и ничего не объяснил. Просто пропадал без вести. «Хорош!»

Явившись в Сенат, он прежде всего спросил у солдата, дежурившего всегда у дверей Трощинского, спрашивал ли об нем начальник. Солдат объяснил, что вчера Дмитрий Проккофьевич приказывал позвать Поздныка, а затем тотчас же вернул и сказал: «Не надо». Стало быть, ему и не известно ничего.

Около двенадцати часов солдат явился и выговорил с полгорницы:

– Иван Петрович – вас!

Позднык украдкой перекрестился, собрал бумаги, положил поверх всех указ и двинулся...

Когда он вошел в горницу Трощинского, то сердце замерло в нем. Начальник глянул на него угрюмо из-за своего стола и проговорил строго:

– Помни вперед... заруби себе на носу, что когда я даю особое какое дело, то не жди, чтоб я сам тебя вызывал. Я могу за делами позабыть. Ровно в двенадцать часов сам о себе докладывай... Ну, что там?..

– Указ приказывали переписать в двух видах и еще другие бумаги... – прошептал Поздняк, подавая указ и копии.

Руки его задрожали... Трощинский удивленно взглянул на него и сказал мягче:

– Беды особой нет. И вины особой нет! Вот впредь того не делай и не получишь замечания.

Трощинский принял бумаги и стал проглядывать копии с указа.

– Хорошо... Красиво ты пишешь. Просто рисуешь. Ну, а указа не измарал?

– Никак нет-с... – едва слышно вымолвил Поздняк.

Трощинский осмотрел обе страницы императорского указа и указал на край листа, где была маленькая чернильная крапинка с булавочную головку.

– Гляди... Капнул...

Поздняк молчал. Он сам не заметил этой черной точки... А кто ее сделал? – сама государыня.

– Что делать? Все это от твоего жениховского положения... – усмехнулся Трощинский. – Ну, бери. Тут все пустые бумаги. Можешь взять отпуск на неделю ради свадьбы. Гуляй. Отгуляешься – явись на службу и служи по-прежнему... Ну, ступай...

Поздняк не помня себя вышел из кабинета начальства. Он не шел. Его будто какая-то невидимая сила подняла и понесла по Сенату...

Гроза совсем, совсем миновала! Поздняк вернулся к своему столу и, не имея возможности сдержать в себе радость и счастье, стал болтать с двумя секретарями.

Не прошло десяти минут, как в горницу вбежал тот же солдат и, запыхавшись не столько от бежания, сколько от перепуга, закричал Поздняку не своим голосом:

– Вас! Вас! Скорее...

Поздняк переменился в лице и задохнулся. Он двинулся за солдатом и сам себя спросил раза три:

– Чего я струсил?

Войдя в кабинет начальника, Поздняк сразу лишился со страху способности мыслить и соображать.

Трощинский ходил взад и вперед по горнице быстрыми шагами...

А этого никогда не бывало с ним.

Лицо его было искажено волнением и гневом.

Такого выражения лица Поздняк никогда не видал у него.

Молча начальник приблизился...

– Это невероятно! Это неслыханно! Этого на Руси спокон веку, со времен варягов не бывало... – заговорил Трощинский глухим голосом и нагибаясь к секретарю, как бы ради того, что поверяет ему страшную тайну.

– За это повесить мало... Голову отрубить мало! Четвер-

товать...

Трощинский задохнулся и затем уже громко выкрикнул:

– Отвечай!..

– Не... не могу знать-с... – прошептал Поздняк...

– Отвечай! Говори... Признавайся! Я знаю... Я под присягу пойду... Я не ошибаюсь... Говори! С лица земли сотру!.. Будешь ты говорить?!

– Что прикажете... – поперхнулся Поздняк.

– Указ подложный! Указ не тот! Указ другой! Ты не был два дня на службе. Где пропал? Где указ? Потерял! И сам подпись монархини... Сам... Подложно... Ах ты!.. Ах!..

Трощинский задохся от собственного крика и взял себя за голову...

– И это у меня! У меня! Мой домашний секретарь! Что скажет граф, когда вернется из Молдавии? Каково я людей себе выбираю... Зарезал!

Трощинский кликнул солдата и велел послать к себе экзекутора.

Поздняк стоял у самой стены, готовый прислониться к ней, так как ноги под ним подкашивались. Голова холодела, и пред ним двигались в горнице целых трое Дмитриев Прокофьевичей...

– Царица простила, а он погубит!.. – шептал будто кто-то ему на ухо.

И сквозь какой-то туман, сквозь какой-то шум, даже грохот, Поздняк глядел на Трощинского и появившегося экзе-

кутора и слышал:

– Пометку свою карандашом я потом стер хлебом, но остался значок, А теперь, глядите на свет – ничего нет. Это раз! Здесь в последней строке была козявка с усами... Черт! Не козявка, а крючочек у буквы «рцы». Его нет. Это два! А чернила? У государыни аглицкие чернила, черные, густые... У нас простые, серые, бледные... Глядите! Вот еще два нынешние указа... Глядите подпись государыни. И глядите эту... Какие это чернила? Наши, сенатские! Это три!.. Да-с. Вот что у нас произошло! Опозорил негодяй весь Сенат. Я ему голову сниму... Прикажите написать доклад... Как я с ним к государыне пойду, и сам не знаю... Дожил до сраму!.. Мой секретарь личный.

И затем через несколько мгновений Поздняк услышал снова голос Трощинского:

– Прикажите его арестовать. Пока здесь при Адмиралтействе на гауптвахте... А завтра и в крепость.

Поздняка кто-то взял за локоть, он двинулся и пошел...

Всюду, где он проходил, все чиновники толпились кругом него и испуганно заглядывали ему в лицо.

– Молодец Поздняк!.. – выкрикнул кто-то. – С учреждения Сената таких мерзавцев не бывало у нас! Нас всех осрамил! Мошенники за подложные подписи на векселях в Сибирь идут. Что же с эдаким гусем сделать, который под руку царицы подписался?

– Неправда! Неправда!.. – вскрикнул Поздняк, и слезы до-

сады и обиды выступили у него на глазах.

Слова Поздняка подействовали на многих. Слишком много чувства правды сказалось в звуке его голоса.

Но в ту же минуту вбежал какой-то молоденький чиновник чуть ли не вприпрыжку и крикнул весело:

– Нашел! Нашел! На квартире разыскал! Разорван указ-то... Настоящий-то! Разорван надвое!..

Поздняк ахнул и пошатнулся как от удара. Между тем молоденький чиновник радостно и весело объяснял собравшимся в кучу чиновникам, что, отправившись на квартиру Поздняка по приказанию Трощинского с обыском, он нашел подлинный царский указ в двух клочках и доставил их.

– Дмитрий Прокофьевич обещал меня наградить за успешный обыск... – закончил он, почти приплясывая от радости.

VIII

В сумерки на гауптвахту пред Адмиралтейством был приведен сенатский чиновник и посажен под арест. Поздняк был несколько спокойнее. Он немного пришел в себя и обдумал свое положение. Он считал себя виноватым – пред царицей. Поэтому она, быть может, не захочет его спасти от строгого начальника. Он никому не сказал об ее милости к нему, но он имел неразумие сохранить изорванный указ. А эти два клочка выдали его теперь головой и обнаружат все дело, как оно было...

«Потрафилось все так, как если бы я проболтался, рассказал все всем... – думал Поздняк. – Я выдал тайну! А царица велела держать ее крепко».

Что будет с ним, Поздняк никак не мог себе представить. Ему казалось, что государыня непременно разгневется за то, что все дело огласилось, и не захочет вновь спасти его от суда и наказания.

Вечеру около гауптвахты появилась молодая женщина и долго бродила по площади и около здания. Наконец, решившись, она приблизилась и обратилась к солдатам с просьбой сказать об ней караульному офицеру. Офицер вышел. Женщина, плача, стала просить его допустить ее видеться с арестованным чиновником.

Это была Настенька Парашина, знавшая уже о судьбе, по-

стигшей жениха. Побывав на квартире Поздняка и в Сенате, девушка узнала страшную, невероятную весть, что ее Иван Петрович совершил государственное преступление, подписавшись на подложном указе под руку самой монархини.

Караульный офицер не имел никакого предписания не допускать никого к арестованному и поэтому, поколебавшись, согласился.

– Вы его невеста? Верно ли это? – переспросил он молодую девушку.

Настенька побожилась, крестясь и плача.

– Ну что ж... Идите.

Офицер провел девушку в маленькую горницу около караульной, где сидел арестованный. Поздняк ахнул при виде невесты и готов был заплакать от радости.

– Что же все это значит, Иван Петрович? Что вы наделали?.. – заговорила Настя, когда офицер вышел и они остались наедине.

– Ничего я, Настенька, не делал. Так уж все случилось. Недогадлив я...

– Зачем вы не поехали в Царское? Как вы решились на эдакое страшное дело! Царица бы простила вас. А теперь что же?.. Теперь, говорят все, вы в Сибирь пойдете...

Поздняк молчал, уныло понурившись...

– Как могли вы, Иван Петрович, такое страшное дело надумать?

– Какое?

– Подписаться под руку царицы...

– Помилуй Бог! Не стыдно ли тебе меня в эдаком подозревать. А говоришь еще, что любишь! – воскликнул Поздняк. – Не бывал я никогда мошенником!

– Так объясните... Что все это?.. Были вы в Царском Селе?

– Был.

– Видели царицу?

– Видел, Настенька... И все вышло слава Богу. Царица простила... А потом я...

Поздняк махнул рукой.

– Написал подложный указ... Зачем?

– Ох, нет, нет... Но что и как вышло, какая вышла беда – этого я не скажу никому. И тебе не скажу...

– Виноваты же вы в чем-нибудь, коли арестованы?

– Ни в чем, Настенька. Я виноват, что не изорвал в клочки или не сжег первый указ. Собирался десять раз – духу не хватило! Нечаянно, иное дело! А как пришлось рвать в клочки – руки не действовали, отказывались. Как погляжу на подпись, так руки и опустятся! Да, признаюсь, на память хотел сохранить...

– За что же вы арестованы? – приставала Настя.

– За напраслину, клевету. Обвинен, что якобы подписался на указе.

– Так кто же подписался, если не вы?

– Не скажу, Настенька, не могу.

– И мне не скажете?

– Никому. Слово дал. Зарок. Клятву. Пускай будет, что Богу и царице угодно. Знай только, дорогая моя Настенька, что твой Иван Поздняк – честный человек.

– Верю и я в это... Но ничего, ничего не понимаю. У вас в Сенате солдаты мне говорили и два чиновника тоже объясняли, что вы подлог сделали... А вы говорите – нет... Я вам верю... Но что теперь будет. Вас судить будут и засудят.

– Не знаю.

– В Сибирь сошлют?

– Не знаю... Не верится. Но из службы исключат. И я буду нищий... И тебе не жених. Дядя также от меня откажется.

Несмотря на новые усиленные моления Насти рассказать ей всю правду, молодой человек не прибавил ни слова разъяснения.

Офицер вскоре снова явился и попросил девушку уходить. Он все-таки боялся идти в ответ за то, что допустил ее видеться с арестованным. Настя простилась, горько плача, и вышла.

Между тем в тот же вечер придворная дама, сопровождавшая государыню на прогулке, уже знала все происшедшее с сенатским секретарем и тотчас же приняла свои меры. За два дня перед тем она, по приказанию государыни, разузнала все про Поздняка, узнала, что он женится, и все передала. Теперь она поспешила тоже донести немедленно до сведения государыни про общее смущение в Сенате и аресте секрета-

ря.

На другой день в Царскосельском дворце в числе других сановников дождался очереди с докладом и Дмитрий Прокофьевич Трощинский.

Он был угрюм, расстроен, почти ни с кем не разговаривал и только на вопрос одного из присутствовавших, полицмейстера Рылеева⁴, ответил озлобленно:

– Да... Стряслась беда... Срамная... Вам по вашей должности известно, вероятно, все...

– Известно, Дмитрий Прокофьевич... Такого, признаюсь, никогда, кажется, на Руси не бывало. Какая дерзость! Весь Питер толкует о преступлении. Но извольте видеть... Цель непонятна. Преступление совершается с целью. Какая тут цель была?

– Изорвал указ нечаянно и заменил своим. И сошло бы, если бы не мое сугубое внимание... – объяснил Трощинский.

Через полчаса докладчик по невероятному преступлению стоял перед императрицей, сидевшей за столом, и, волнуясь, злобясь и стыдясь вместе, объяснил ей, как приключилось «срамное деяние» в Сенате.

Государыня молча выслушала весь доклад, потом взяла «подложный» указ, внимательно осмотрела его, потом взяла

⁴ ...Рылеев Никита Иванович (ум. 1808) – обер-полицмейстер (с 1784 г.) и губернатор Санкт-Петербурга (с 1793 г.), принадлежал к старинному дворянскому роду, восходившему к середине XVI в.

два куска другого указа и тоже стала разглядывать...

– Извольте видеть... – указывал Трощинский. – Вот чернила вашего величества. А на этом указе и чернила наши, сенатские, сероватые. Я буду умолять ваше императорское величество... – добавил Трощинский, – о примерном и беспощадном наказании преступника. Если бы это было в моей власти, я бы его казнил за кощунство...

– Кощунством именуются совсем иные преступные действия, Дмитрий Прокофьевич... – холодно заговорила государыня. – Не надо преувеличивать! Императорская подпись святого ничего не заключает в себе... Русский монарх и без того так твердо и так высоко стоит, что не нуждается в маленьких подпорках... А льстивое преувеличение монарших прерогатив и царского значения, на мой женский рассудок, кажет именно вроде подпорки, шеста, поставленного у гранитной скалы, будто ради ее пущей твердости. Даже забавно... Вот что я вам скажу, мой любезный... Этот якобы поддельный указ – настоящий, что б вы про чернила ни говорили. Это моя подпись.

– Ваше величество, но этот разорванный доказывает... – начал было Трощинский.

– Доказывает, что секретарь ваш шалил, сидя дома. Это нехорошо делать с царскими указами, но это не преступление. Он написал два указа, один вы подали мне для подписи, а другой оставался у него... Вероятно, он счел его не красиво написанным. А затем ради шалости он сам его моим

именем подписал. И даже очень искусно. А потом, конечно, разорвал. Просто шалость. И за это надо ему сделать выговор...

– Но помилосердуйте, государыня... По чернилам подпи- си и по всей бумаге я знаю, что этого указа я не подавал вам к подписанию. Вот настоящий... А этот подложный... И эта подпись...

– Это моя подпись, Дмитрий Прокофьевич.

– Ваше величество, вы, по несказанной доброте, желаете спасти негодяя, не стоящего ваших милостей. Вы признаете из жалости подложную подпись своею...

– Нет, это я писала. Я не могу отказаться от своей подпи- си. Это было бы нечестно.

– Господи помилуй!.. – выговорил Трощинский, потеряв- шись, и прибавил, разводя руками: – Как же повелите посту- пить?

– Очень просто...

Екатерина разорвала два клочка указа на мелкие куски и бросила их в корзину у стола.

– До шалости чиновника у себя на квартире нам нет де- ла... – выговорила государыня, улыбаясь. – Не надо было его обыскивать. Если мы пороемся у иного в бумагах, то, мо- жет быть, найдем листы, подписанные именами Александра Македонского, короля Магнуса⁵ и всех королей Людовиков

⁵ ...*Король Магнус* – имя нескольких норвежских и шведских королей средне- вековья, а также правителя Ливонии при Иване IV.

французских...

– Простите, ваше величество! – воскликнул Трощинский, – но я прошу вас еще раз взглянуть внимательнее, ваша ли это подпись... Таких чернил у вас, государыня...

– Дмитрий Прокофьевич, дело не в чернилах! – холодно вымолвила Екатерина. – Считать эту подпись подложною, не узнавать ее – есть... пожалуй даже... государственное преступление.

Трощинский несколько оробел от голоса государыни, поспешил молча склониться и, получив бумаги, вышел.

IX

Однако сановник из мелких чиновников, педант и упрямец, не сдался.

Трощинский был глубоко убежден в том, что государыня или по доброте, ради спасения чиновника, или ради иных высших соображений признала явно подложную подпись за свою, не желая допущения мысли о возможности такого дерзкого преступления. Но тогда за что же он, Трощинский, пострадал, прослывя за опрометчивого государственного мужа, не признавшего монаршей подписи и поднявшего шум «из-за сновидения».

– Весь срам на меня пал!.. – озлобляясь, говорил Трощинский. – Негодяй остался безнаказанным, а я осмеянным!

Через два дня, явившись снова с делами в Царское Село, Трощинский, окончив доклад государыне, выговорил взволнованно:

– Ваше императорское величество, дозвоьте мне за мою верную службу просить вас о милости несказанной.

– Что такое, Дмитрий Прокофьевич? – ласково отозвалась Екатерина.

– Просьба, ваше величество.

– О чем?.. Я готова всякое возможное для вас сделать...

– Но это такая просьба, с какими еще никто не дерзал обращаться к вашему величеству.

– Вы меня удивляете... Зачем же... Почему же вы с такую просьбой надумались ко мне обращаться?..

– Необходимость, нужда... безысходность положения... Исполнить таковую мою просьбу, ваше величество, можете, однако, совершенно спокойно... Дело самое простое... для вас ничего не стоящее.

– Тогда я ее исполню с удовольствием, не понимаю вашего предисловия... – улыбнулась государыня. – Говорите!

– У меня есть заранее приготовленный указ. Дайте мне ваше царское слово подписать его, каков бы он ни был. Дело самое пустое...

Троцинский достал из портфеля написанный лист и, держа его в руках, прибавил с чувством:

– Доверься мне, царица-матушка, и подпиши его не читая...

Императрица после мгновенного колебания протянула руку и вымолвила:

– Извольте... Подпишу! Но прочту все-таки...

Троцинский положил на стол бумагу. Екатерина просмотрела ее... Лицо ее тотчас стало сурово, но она резким движением взяла перо и подписала.

Указ повелевал заключение в крепости сенатского чиновника Поздняка за преступление по службе, но без объяснения, в чем именно оно состоит.

Троцинский просиял и стал горячо благодарить. Государыня ни слова не вымолвила и отпустила его, кивнув голо-

вой.

Вслед за Трощинским тотчас вошел личный секретарь государыни Храповицкий⁶.

– Задержи-ка мне, Александр Васильевич, Трощинского в приемной разговорами... – быстро вымолвила она.

Храповицкий поспешил исполнить поручение, а через четверть часа Екатерина поднялась и явилась в соседней горнице, где было много чиновников, дожидавших приема. Императрица ответила на поклоны и прямо направилась к Трощинскому, которому что-то рассказывал, конечно умышленно, Храповицкий.

– Дмитрий Прокофьевич, я к вам с просьбой... Сейчас мне на ум пришло...

– Что повелеть изволите, ваше императорское величество? – ответил этот, склоняясь.

– Просьба всенижайшая, сердечная. Обещайте мне, дайте слово исполнить, в чем бы дело ни заключалось...

– На смерть пойду, государыня, если указать изволите, – восторженно произнес Трощинский, польщенный такою милостивою беседой при посторонних лицах.

– Нет, дело простое, ничего для вас не стоящее. Достаньте-ка тот указ, который сейчас подписала я по вашему желанию.

⁶ ...Храповицкий Александр Васильевич (1749–1801) – действительный тайный советник (1801 г.), сенатор, один из статс-секретарей Екатерины II, выступал как поэт.

Трощинский быстро достал бумагу из портфеля, который лежал на окне, и подал ее.

– Ну, вот... Этот самый... Дайте слово исполнить мою просьбу без гнева и без ропота?..

– Все, что изволите... – заговорил Трощинский другим голосом, предчувствуя, в чем дело...

– Разорвите этот указ.

Трощинский склонился молча и, немного меняясь в лице, разорвал лист пополам.

– Благодарю вас! – выговорила Екатерина. – Это доброе дело сделано вами. Ведь вся ошибка была в чернилах. Чернила очернили чистого человека в ваших глазах.

Трощинский вернулся в Петербург вне себя и, несмотря на позднее время, проехал в Сенат, где все его подчиненные по обыкновению были еще налицо, не смея разойтись до возвращения его из Царского Села.

– Доставить сюда сейчас Поздняка! – приказал он экзекутору.

Через полчаса сенатский секретарь, взволнованный, предстал на глаза его.

– Я докладывал ее величеству о твоём неслыханном преступлении! – строго сказал Трощинский. – Государыня желает знать, как все это произошло. Поэтому сознавайся и расскажи мне, когда, зачем и почему решился ты на подлог.

Поздняк пристально присмотрелся к лицу сановника и, вздохнув, вымолвил:

– Я ничего, ваше превосходительство, сказать не могу. Ни единого слова не могу прибавить.

– Сознайся, и наказание тебе будет легче... Ну, простое исключение из службы. Не сознаешься, на поселение в Сибирь пойдешь, а в крепости сгниешь. Даже хуже, много хуже будет.

– Как Богу и царице угодно.

– Так ты ничего не скажешь?! – крикнул Трощинский.

– Не могу. Помилосердуйте...

Наступило молчание.

– Ладно. Ладно... – заговорил Трощинский без конца. – Ладно, негодяй... Ладно... Так применим к тебе высшую меру.

И, кликнув солдат, сановник приказал:

– Отвести его в крепость и сдать от моего имени дежурному по караулу. Скажи, что долго у них не насидит. Его указано завтра судить по-военному и расстрелять... Ну, ступай...

Побледневший как смерть, Поздняк двинулся через силу; но, когда он был в дверях, Трощинский остановил его.

– Слушай. Ну, ради моих милостей к тебе... Ведь я же тебя из ничтожества взял и... Ну, из благодарности ко мне. Признайся, как дело было... Расскажи все, и пойдешь вот, сядешь сейчас за свой стол... Все забудем. Как если б все это нам обоим одним злым сновидением было... Ну, голубчик Иван Петрович, сознайся.

– Ваше превосходительство! – воскликнул тронутый до

глубины сердца Поздняк. – Не могу я... Бывают такие дела на свете... что ум за разум заходит. Всей бы душой желал сознаться вам во всем, за все ваши благодеяния... И не могу. Хоть голову рубите – ни слова не скажу...

Трощинский изменился в лице от гнева, молча махнул рукой и отвернулся. Поздняк вышел и двинулся за солдатом, схватив себя за голову руками.

Через несколько минут экзекутор, тотчас же вызванный начальником, приказал Поздняку идти домой.

– Как?! – выговорил этот, не веря ушам.

– Идите домой! Дмитрий Прокофьевич приказал. Завтра узнаете резолюцию о себе.

– Ничего не понимаю... – произнес Поздняк, дрожа от радости. – Он приказал сейчас в крепость... Я ничего не понимаю.

– Ну, сударь мой... – озлобленно крикнул экзекутор. – Вы-то еще в этом деле можете кой-что понимать! А вот Дмитрий Прокофьевич и мы все – так действительно никакого дьявола понять не можем!

Поздняк, не помня себя от радости, побежал на свою квартиру... После крепости, Сибири, каторги, военного суда и расстреляния, которые промелькали в его голове, ударяя по сердцу, он был почти счастлив при мысли, что цел и невредим и на свободе. Он догадывался невольно, что Трощинский его просто пугал... Доклад царице имел, очевидно, иные последствия. Однако, вернувшись к себе, Поздняк,

несмотря на страстное желание повидаться с Парашиными, не решился отлучиться из дому и просидел сутки безвыходно в ожидании своей участи.

Наутро он получил бумагу из Сената – формальную отставку.

– Нищий! Лишен всего... – вымолвил Поздняк. – Лишен даже девушки, которую люблю...

Но едва только молодой человек выговорил эти слова, как в дверях его квартиры показалась Настенька, счастливая, сияющая радостью и румянцем на щеках.

Она бросилась на шею жениха.

– Ничего не будет! Все слава Богу! – воскликнула она.

– Я отставлен... Настенька. А нищий тебе не пара. А мне жизнь без тебя – та же Сибирь.

– Ничего не будет... Иван Петрович. Слушайте. Слушайте!.. «Моя милая, успокойтесь, не плачьте. Ваш жених получит другую должность и женится на вас». Кто это мне сказал, Иван Петрович? Кто это так сказал?.. – восторженно воскликнула девушка, представив кого-то другого перед изумленным Поздняком.

– Дмитрий Прокофьевич?.. – спросил он.

– Царица! – вскрикнула Настя.

– Царица?

– Да. Да... Я была в Царском...

И Настя рассказала жениху, как она решилась на тот же поступок, что и он. Она была в Царскосельском парке, на

той же дорожке и у той же скамеечки, что и первый раз. Она рассказала все царице про арест его из-за напраслины. И царица сказала ей, чтобы она успокоилась, что никакой беды не будет. И Настя повторила снова те же слова государыни.

Поздняк перекрестился несколько раз и горячо расцеловал девушку.

Затем он стал снова переспрашивать ее о малейших подробностях ее свидания с государыней.

– Очень удивилась она... – объяснила между прочим Настя, – когда я ей сказала, что не вы подписались под ее руку. Что виновен другой человек. И его надо судить. А не вас!

– Как? Что ты?..

– Да. Очень удивилась. Спросила меня, знаю ли я все дело... как это было... от вас. Я ответила, что вы ничего мне не захотели сказать. Тогда царица еще больше удивилась и сказала так: «Даже вам ничего не сказал?» Я говорю: ни слова не хотел сказать, но я-то знаю, говорю, и верно знаю, что не Иван Петрович, а другой какой негодный человек подлог этот сделал...

– Ах, Настенька, Настенька!.. – весело воскликнул Поздняк. – Что же государыня на это сказала?

– Рассмеялась и сказала: «Молодец, держит свое слово!» А потом сказала мне, что все обойдется слава Богу, что вы должность другую получите и мы обвенчаемся...

Поздняк снова расцеловал невесту, а затем вдруг выговорил:

– Настенька! Пойдем Богу молиться. Вместе.

– Идемте. Сначала за царицу помолимся, а потом за себя! – радостно согласилась девушка.

Х

Прошла неделя, другая, третья... Прошел месяц.

Исключенный из службы сенатский секретарь ничего не дождался. Все, что сказала ему его невеста, на что они надеялись, все оказалось мечтой.

Поздняк, не имея жалованья, нанял себе угол в Выборгской и не имел даже на что купить хлеба. Он с трудом доставал для переписки бумаги, ибо такой работы было в столице мало. На службу его никто не брал. Многие лица, узнав от него, какая его постигла судьба, не хотели давать никакой должности и как бы сторонились от него.

Уныние напало на молодого человека, а затем и отчаяние... Последнею каплей, переполнившей горькую чашу испытаний, было свидание его с родственником-богачом. Когда Поздняк обратился к нему за помощью и рассказал свою беду, не объясняя все-таки, как было все дело, родственник выгнал его вон и не велел более переступать порог своего дома.

И в тот же день, будто злая судьба захотела этого, Анна Павловна Парашина запретила дочери видаться с «господином» Поздняком, говоря, что нашла ей другую хорошую и выгодную партию...

Спустя месяц после исключения секретаря из службы к нему явился на его новую квартирку-угол неизвестный че-

ловек, хорошо одетый, по виду важный, и заявил, что является по делу. В коротких словах объяснил он Позднюку, что предлагает ему выгодное частное место, где он будет получать пятьсот рублей жалованья, а впоследствии и более...

Позднюк обрадовался и тотчас согласился. Но незнакомец поставил условием получения этого места, чтобы он рассказал подробно и искренно, что за темная история была у него в Сенате. Был ли им подделан указ с подписью императрицы. Человеку, способному на подлог, он места дать не может. Позднюк отказался наотрез объяснить что-либо по этому делу. Незнакомец предложил снова выгодное место и единовременное пособие в триста рублей еще до получения этого места.

Позднюк не догадался по наивности и чистосердечности, что неизвестный человек просто подослан купить его тайну. Быть может, даже самим Трощинским.

Его только удивила настойчивость и щедрость незнакомца.

– Как было все дело об указе, я никому никогда не скажу! – ответил Позднюк.

– Подумайте, вы умираете с голоду... А тут средства большие...

– Ну, и помру... и с голоду, и с горя, а все-таки ничего рассказывать не стану.

На этом беседа их и кончилась.

Через три дня после посещения неизвестного господи-

на Поздняк получил повестку, приглашавшую его явиться к обер-полицмейстеру Рылееву. Молодой человек смутился.

– Неужели не конец всем бедам и мытарствам?! – воскликнул он.

Наутро унылый и смущенный отправился он по вызову и был тотчас же позван в кабинет обер-полицмейстера.

– Вы господин Поздняк? – спросил его Рылеев.

– Точно так-с.

– Какую желаете вы получить должность, по какому ведомству?

– Всякому месту буду рад. Я погибаю... – отозвался Поздняк. – Я исключенный из службы и нищий... Меня никто не возьмет на службу, если сильный человек не вымолвит за меня словечко.

– Вы ошибаетесь, господин Поздняк. Во-первых, я приму вас на службу с удовольствием, если вы того пожелаете... Во-вторых, вы – Владимирский кавалер⁷! В-третьих, вы – не нищий, потому что у вас сто душ, пожалованных вам государыней... Вот указ... А вот крест...

Поздняк стоял ошеломленный...

– К этому я имею добавить вам, что государыня императрица жалует все это вам за то, что вы умеете, несмотря ни на какие терзания, держать ваше слово крепко и не выдавать чужих тайн. Какое это слово и какая это тайна – я не знаю, но государыне, очевидно, все это известно... Извольте полу-

⁷ *Владимирский кавалер* – награжденный орденом Св. Владимира.

чить...

И Рылеев взял со стола и передал Поздняку футляр с крестом Св. Владимира 4-й степени, затем указ о пожаловании ста душ из государственных крестьян в Белоруссии.

– А завтра, – продолжал Рылеев, – прошу быть здесь в качестве помощника правителя моей канцелярии. Мне такие люди, как вы, нужны. Да и всякому начальнику нужны. Я же принимаю вас к себе на службу по приказанию, не смею выражаться – по совету государыни императрицы.

– Что мне делать, научите?! – воскликнул наконец Поздняк, выйдя из своего столбняка. – Как мне заслужить все эти милости царицы?

– То, что сделает иногда своему подданному наш монарх Екатерина Великая, – выговорил с чувством Рылеев, – иному бывает не в силах заслужить за всю свою жизнь...

Через три года видный столичный чиновник, богатый, уже давно женатый на любимой девушке и семейный, Иван Петрович Поздняк, встретил на улице тихо проезжающую мимо императрицу и, очутившись в трех шагах от саней, опустил-ся на колени в снег...

– Просите о чем? – спросила государыня, остановив экипаж.

– Нет, ваше величество, я благодарю за все, что имею незаслуженно...

– Кто вы?

Поздняк назвал-ся и напомнил государыне дело об указе.

Екатерина узнала бывшего сенатского секретаря и улыбнулась ласково.

– Служите верой и правдой отечеству и монарху, – вымолвила она, – выходите в люди. И если когда станете государственным деятелем, то... держите данное слово так же крепко. И притом еще...

Государыня усмехнулась весело и прибавила:

– ...Узнавайте монархии подписи не по чернилам, а по почерку.

– Нет, ваше величество, будут узнавать их не одни глаза мои! – воскликнул Поздняк. – Благодарное сердце будет узнавать их!

Комментарии

Впервые – Салиас Е. А. Собр. соч., т. XVII. М., 1896.
Печ. по тексту этого издания.